УДК 39 (=511.1)

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-133-143

**От Илима до Казыма:
к вопросу о названии одной хантыйской игры с палочками**

В. И. Сподина

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
vspodina@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: статья посвящена актуальной в этнологии теме – игровой культуре как конкретно-историческому явлению, обусловленному этнокультурными факторами, межкультурными взаимодействиями, и имеющему свои особенности у разных локальных групп этноса.

Цель работы заключается в том, чтобы объяснить происхождение и название хантыйской игры *Вõн хот* «Большой дом» (каз. хант) исходя из типологии водного транспорта, а также развития межкультурного взаимодействия угорского, самодийского и русского населения Сибири.

Материалы исследования: статья основана на опубликованной этнографической литературе по обским уграм, историко-этнографическим исследованиям по средствам транспорта енисейских кетов, а также на устных сообщениях информантов.

Результаты и научная новизна: в статье приводится описание вариантов игры *Вõн хот*, а также аргументировано доказывается связь названия и конструкции игрового инвентаря с лодкой-илимкой енисейских кетов, что обосновывается существованием водного пути между Западной и Восточной Сибирью. Статья расширяет представление об игре как одном из удивительных феноменов культуры, способствующей ориентации человека в мире.

Новизна работы заключается в том, что традиционная игра рассматривается как историко-этнографический источник и в такой постановке ранее не являлась предметом исследований.

Ключевые слова: ханты, кеты, калданка, лодка-дом, илимка, игровой инвентарь, водный транспорт, межкультурные коммуникации.

Для цитирования: Сподина В. И. От Илима до Казыма: к вопросу о названии одной хантыйской игры с палочками // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 133–143.

**From the Ilim to the Kazym:
to the question of the name of one Khanty game with sticks**

V. I. Spodina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
vspodina@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the actual topic in ethnology – the game culture as a concrete historical phenomenon, caused by ethno-cultural factors, intercultural interactions, and having its own characteristics among different local ethnic groups.

Objective: to explain origin and the name of Khanty game *Võn hot* «A Big House» (the Kazym Kasnty) based on the typology of water transport, as well as the development of intercultural interaction of the Ugric, Samoyed and Russian people of Siberia.

Research materials: the article is based on the published ethnographic literature on the Ob Ugrians, historical and ethnographic research on transport vehicle of the the Yenisei Kets, as well as oral reports of informants.

Results and novelty of the research: the article presents a description of variants of the game *Võn hot*, as well as it argues the connection between the name and construction of game equipment with a boat-*ilimka* of the Yenisei Kets. It can be justified by existence of a waterway between Western and Eastern Siberia. The article

expands the idea of a game as one of amazing cultural phenomena that promote the orientation of a person in the world.

The novelty of the work lies in the fact that the traditional game is considered as a historical and ethnographic source and has not earlier been the subject of scientific research in this key.

Key words: Khanty, chum, kaldanka, boat-house, ilimka, game equipment, water transport, intercultural communications.

For citation: Spodina V. I. From the Ilim to the Kazym: to the question of the name of one Khanty game with sticks // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9(1): 133–143.

В игре детей есть часто смысл глубокий.

Йоганн Шиллер

Введение

В европейской традиции историко-этнографический интерес к играм появился в середине XIX в., а уже во второй половине XIX в. игра оказалась в фокусе внимания исследований в области междисциплинарного пограничья, на стыке исторических и естественнонаучных изысканий. Современный интерес к проблеме игрового элемента в культуре обусловлен характерным для гуманитарной мысли XX в. стремлением выявить глубинные дорефлективные основания человеческого существования, связанные с присущим лишь человеку способом переживания реальности. Отсюда возрастание интереса к игре со стороны социологии, психологии, лингвистики, культурологии, семиотики, этнологии и др. Тем самым понятие игры становится междисциплинарным и концептуально оформленным.

Начало разработки общей теории игры связано с трудами Ф. Шиллера и Г. Спенсера. Сущность феномена игры Ф. Шиллер обосновал в «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1795), где он исследовал проблемы игры как эстетической деятельности и ввёл концепцию игры в искусство [30]. В его эстетической теории игра стала показателем свободы творчества. Г. Спенсер внес в понимание игры эволюционный подход, указав на распространение игр у тех животных, у которых инстинктивные формы поведения недостаточны для приспособления к изменчивым условиям существования [25]. Немецкий психолог К. Гросс рассматривал игры детей как подготовку к будущей трудовой деятельности, к жизни, как средство естественного самовоспитания ребёнка [33]. З. Фрейд исследовал идею компенсаторного характера игры, связывая её с бессознательными механизмами

психики человека, видел в игре выражение глубинных инстинктов и влечений [27, 175]. С позиции синтеза психологических и педагогических аспектов подходил в теме игры Д. Б. Эльконин [31]. Л. С. Выготский рассматривал игру как ведущую деятельность для понимания психического развития ребёнка в дошкольном возрасте [9]. С его именем связывается основание русской психологической школы игры. Американский психотерапевт и теоретик психоанализа Э. Берн видел в игре цепочки транзакций, направленных на снятие напряжения и структурирование времени [5]. Таким образом в биологии и психологии игре отводится в основном развивающая и компенсаторная функция, направленная на развитие способностей человека.

Игра с феноменологической точки зрения находилась в фокусе исследований европейских философов и культурологов, рассматривавших игру как предпосылку происхождения культуры. Такой подход характерен для исследований Г. Гадамера, Е. Финка, И. Хейзинга. Основным исследователем игры считается нидерландский историк и теоретик культуры И. Хейзинга. В его работе «Homo Ludens» («Человек играющий»), изданной в 1938 г. и ставшей классической, центральной является идея роли игры как важнейшего культурообразующего фактора во всех сферах человеческой жизни. Он исследовал значение игры в разных проявлениях культуры (игра и правосудие, игра и война, игра и философия, игра и поэзия), ввёл в научный оборот понятие «игровая культура» [28].

Г. Гадамер рассматривал игру как основу познания и понимания истории. Он стремился освободить понятие игры от субъективного значения. «Игра, — писал он, — обладает своей собственной сущностью, независимой от тех,

кто играет» [10, 148]. Американский психолог и педагог Г. С. Холл выдвинул идею рекапитуляции (сокращённого повторения этапов развития человечества) в детских играх. Он полагал, что в процессе развития ребёнка в разных его играх как бы оживляются типы деятельности, последовательность которых можно проследить на протяжении истории человеческой цивилизации [36]. Сторонники данной теории рассматривают игру и игровую атрибутику как редуцированную деятельность, то есть как воспроизводство образа жизни, культовых церемоний предков. Боб Хьюз, в своей книге «Типы игры: спекуляции и возможности» [35], разработал типологию игр из 16 групп, которая в настоящее время является общепринятой в западной психологии. Он исследует сложности детской игры, её значение и цель, анализирует основы эволюционной игровой работы, от создания правильной игровой среды до вопросов безопасности и участия, исследует теорию, лежащую в основе игрового процесса, предлагает новые модели, помогающие работнику развить собственную профессиональную практику [34].

Одним из первых отечественных теоретиков, обративших внимание на вопросы, связанные с этнографией детских игр и игрушек, был советский этнограф, фольклорист, филолог) Г. С. Виноградов [8]. Для целей нашей статьи представляют интерес взгляды этнографов-североведов на сущностную основу игры. Например, Г. М. Василевич подчёркивал такую функцию игры, как воспроизведение семейных и прочих социальных отношений [7, 30]. Шире, как феномен культуры, рассматривали детские игры обских угров В. М. Кулемзин и Е. А. Нёмысова, обратившие внимание на то, что порой «нет таких сфер общей системы жизнедеятельности, которые не отражались бы в играх» [16, 4]. Как видим игра представляет собой широкое поле для исследований.

Тема игры в последнее время является одной из самых острых как в отечественной, так и в зарубежной детской психологии. Её ценность признается практически всеми специалистами. Доказано, что именно игровая деятельность имеет решающее значение для произвольного поведения, творческого воображения, самосознания, общения дошкольников; в ней складываются межличностные отношения

и коммуникативные способности детей и пр. Однако, несмотря на это, игра всё более вытесняется из системы дошкольного образования и из жизни наших детей. Дефицит игры весьма негативно отражается на развитии детей [23]. В этой связи во многих странах мира разворачивается работа по поддержке детской игры. Так, международная ассоциация игры (International Play Association – IPA) проводит исследования состояния игры в разных странах мира, разрабатывает проекты и организует акции, направленные на поддержку детской игры, её ценности, а также на создание благоприятных условий для игры детей разных стран и разных слоёв населения [24].

Материалы и методы

В качестве материала для сравнительно-сопоставительного анализа хантыйских игр в нашей работе использована этнографическая литература, посвящённая играм обских угров, традиционным транспортным средствам народов Сибири, а также устные сообщения информантов – Н. А. Тасманова (пос. Казым) и А. С. Сопочиной (г. Лянтор).

Основной идеей исследования является подход к традиционным играм как к этнографическому источнику, содержащему информацию о межкультурных коммуникациях населения речных бассейнов Оби и Енисея в XVIII–XX вв. В данной работе он решается в основном с помощью методов, направленных на поиск типологически сходных черт игрового инвентаря с водным транспортом, который в прошлом был знаком коренным народам, проживающим по Оби и её притокам. Относительная ограниченность имеющегося фактического материала на данном этапе исследования диктует использование, в основном, описательного, сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов, дающих возможность для реконструкции одного из типов лодок, используемого, в том числе, и в качестве временного жилища (лодка-дом).

Привлечение материалов по народам Сибири, проживающим сопредельно с обскими уграми (селькупы, кеты), позволило выявить конструктивное сходство грузовых лодок-илимок с игровым инвентарём *Вон хот* «Большой дом» и обосновать происхождение названия этой хантыйской игры с палочками.

Результаты

Й. Хейзинга назвал пространство, где разворачивается игровое действо, «временными мирами внутри обычного» [28, 20], Л. С. Выготский – «мнимой ситуацией» и «воображаемым полем» [9, 207, 211]. Р. Кайуа писал, что игру следует начинать с условной черты, с разграничения пространства и выделения времени, где сложные и запутанные законы обычной жизни заменяются точными, произвольно установленными и не подлежащими отмене правилами [15, 46]. Такой условной чертой, воображаемым полем на котором разворачивается исследование, является хантыйская игра *Вён хот* (каз. хант.). Наряду с развитием

мелкой моторики пальцев, она способствует активизации мыслительных и познавательных способностей, развитию чувства группирования объектов и определения их количества, различению чётного и нечётного состава чисел.

Игровым инвентарём является длинная плоская дощечка в виде лодки с выступающим носом и плоской кормой. В этом «Большом доме» в углублениях «живут» десять палочек. В «углу дома», на расстоянии 4–5 см от заострённого «носа» дощечки, находится небольшое отверстие (*вёе*). Рисунок инвентаря этой игры, представлен в учебно-методическом пособии «Напольные игры обских угров с камешками и палочками» (рис. 1) [20, 43].

Рис. 1. Игровой инвентарь *Вён хот* «Большой дом».

Перед игрой водящий объясняет её ход и правила, игроки запоминают количество палочек и должны сохранять в памяти образ «Дома» до конца игры. Приведём описание игры. «Играющие садятся спиной к водящему, который выбирается по желанию или считалке. Он берёт дощечку, заострённым концом от себя, и, показывая на отверстие в «углу дома», спрашивает у одного из играющих: «Там муй?» («Это что?»). Играющий должен ответить: «Вён хот» («Большой дом»). Затем водящий указывает на первую палочку и спрашивает: «Там муй?» («Это что?»). Игрок должен ответить: «Вье» («Бери»). Водящий вытаскивает из дощечки палочку, откладывает её в сторону и вновь спрашивает того же игрока, указывая на *Вён хот*: «Там муй?» («Это что?»). Играющий должен ответить: «Вён хот» («Большой дом»). Далее, водящий указывает на углубление, где стояла первая палочка, и спрашивает: «Там муй?» («Это что?»). Ребёнок должен ответить: «Тал хот» («Пустой дом»). Затем водящий указывает на следующую палочку на

дощечке и спрашивает у игрока: «Там муй?» («Это что?»). Ответ: «Вье» («Бери»). Водящий вытаскивает палочку и откладывает её в сторону. Затем водящий указывает на *Вён хот* и спрашивает: «Там муй?» («Это что?») и т. д. Игра повторяется до тех пор, пока все палочки по порядку будут вытасканы из отверстия. Если ребёнок ошибся, то ход переходит к другому игроку. Когда до игрока, допустившего ранее ошибку, снова доходит очередь вступить в игру, он должен начать её с той зарубки, на которой ошибся. Выигрывает тот, кто раньше всех соберёт все палочки» [20, 42].

У сургутских хантов данная игра известна под названием *Алли*. А. С. Сопочина пояснила, что «это игра на зарубки, на память» (*алли* «зарубка»). Отличается этот вариант тем, что на дощечке палочки размещаются не подряд, а чередуются с пустыми отверстиями [Устное сообщение А. С. Сопочиной, стойбище Л. Н. Сенгеповой, Сургутский р-н. 2018]. Конструктивные особенности игрового инвентаря (длинное ладьевидное основание с сильно

выступающей носовой частью, плоская корма, установленные вертикально до десятка палочек), а также связь названия игры с жилищем, даёт основание рассмотреть типологию водного транспорта у обских угров.

Водный транспорт имел большое значение в хозяйстве обских угров. У хантов и манси традиционные лодки были весьма разнообразны. Н. В. Лукина указывает на 3 типа лодок из дерева: долблёнка (обласок), калданка, каюк [18, 91]. З. П. Соколова приводит пять типов, включая «берестянки» и дощатые составные лодки:

1. Берестяные лодки (берестянки), относились к типу каркасных. Бытовали у южных манси ещё в XVIII в., имели длину до 8 м.

2. Долблёные, выдалбливались из одного ствола, относятся к типу остроконечных: корма и нос заострены, дно овально-заострённое.

3. Дощатые лодки-неводники, заимствованные у русских и коми-зырян (манс. *пецар хап* – печёрская лодка, *саран хап* – зырянская лодка), имели от 4 до 8 вёсел, грузоподъёмностью до 3 т.

4. Составные (калданка), их сшивали из трёх досок. Различались по размеру и назначению. Использовались для передвижения, осмотра сетей, ловли рыбы, охоты на уток и лебедей, перевозки грузов. Гребли на калданке одним веслом попеременно то с одной, то с другой, стороны.

5. Крытые лодки (каюк) для перевозки всей семьи на промыслы. «Раньше это были большие долблёные лодки с каютой, у которой полусферический остов строился из гибких прутьев, а покрытие из бересты. В XIX–XX вв. для этой цели использовали большие дощатые лодки. Они шли под парусом, когда не было ветра, их тянули бечевой, гребли на вёслах» [26, 147].

Два последних вида относятся к типу плоскодонных составных лодок. А. Алквист считал сшивные (составные) лодки поздним изобретением [32, 219]. Учитывая данное мнение исследователя Н. В. Лукина отмечает, что «для северных хантов и, вероятно, манси более характерны «калданки» – лодки из выдолбленного плоского днища с пришитых к нему бортов из двух досок», а также, что «все группы восточных хантов пользовались большими дощатыми лодками с покрытием» [17, 86, 92]. Калданка – это большая грузовая

лодка длиной около 5 м. Для прочности её чаще всего делали из разных пород деревьев: днище – предпочтительно из кедра, борта – из ели или осины. Характерной её конструктивной особенностью была тупая корма и сильно выступающая носовая часть, что давало возможность не намочив ноги, высаживаться по сходням на берег. На больших калданках и дощатых лодках иногда сооружалось сводчатое покрытие из берестяных полотнищ или досок, которое служило защитой от непогоды при дальних переездах (рис. 2, 3) [14, 107-108].

Рис. 2. Крытая лодка. Ханты [14, 117].

Рис. 3. Илимка. Кеты [14, 118].

К типу больших составных лодок относятся и каюк (хант. *коюк*, *кайак*, *хорен*, *коран*; манс. *куайк*, *кайак*, *хурин хан*). Это большие (длина до 10–12 м) лодки с каютой. На них семья отправлялась в длительные поездки на промысел (с верховий притоков на Обь). В каюте спали, готовили пищу, т. е. использовали в качестве дома. Это даёт нам возможность предположить, что с игрой *Вён хот* «Большой дом» связан именно каюк, который специализированно использовался в качестве временного жилища. Однако В. В. Антропова, составившая классификацию лодок по народам Сибири, относительно хантов указывает, что специальные крытые суда (каюки) у них можно было встретить лишь изредка [3, 108]. Иными словами, можно предположить, что лодка-дом не была распространённым транспортным средством хантов.

В этой связи интересно отметить, что название игры *Алли* у сургутских хантов находит фонетическое соответствие в обозначении русского названия большой лодки енисейских остяков (кетов) – *илимки* (от *илым* – приволочка, малый неводок; притянуть таском, волоком) [11, 41; 12, 404]. Перевозка грузов водным путём служила для сибирских крестьян подсобным промыслом. Лодку нанимали или изготавливали сами. Большие крытые грузопассажирские лодки-дома строились в Илимске [4, 51]. Вероятно, оттуда, ведут своё название *илимки*. На *илимках* сплавщики доставляли товары из г. Енисейска вверх по рр. Ангаре и Илимю на золотые прииски р. Подкаменная тунгуска [19, 11].

Илимка (*асель*, кет.) имела длину до 15 м, в ширину от 2 до 3 м и обладала большой грузоподъёмностью (до 25 т.). Она служила основным средством передвижения кетских семей по рекам. На плоской палубе устанавливалось «крытое помещение из прутьев и бересты, которое разделялось перегородкой на две части: передняя была жилой, в задней находился склад. От днища через крышу «каюты» поднималась высокая мачта, на вершине которой укреплялся железный трезубец, а иногда и флажок-флюгер. В жилом помещении в летнее время обычно находилась одна семья» [6, 55]. Каркас *илимки* делался из тальниковых, берёзовых или черёмуховых прутьев. На него уходило не менее 10–14 пар, которые попарно связывались сверху. Сообщение по крыше

с кормой разрешалось только мужчинам. Руль вырезался из кривого (углом) дерева с вставленной в расщеп плахой [22, 318].

Илимка приводилась в движение однолопастными вёслами, на мелких местах для отталкивания употреблялись шесты, при ветре – парус. Ещё чаще применялась тяга бичевой. За верёвку, привязанную к мачте, тянули лодку против течения вдоль берега люди и собаки. Причём впрягались все взрослые члены семьи. Собак (одну или двух) «привязывали к лямке *дапта* из шкуры оленя или медведя, реже – бересты [14, 109; 6, 55]. На зиму лодки-*илимки* вытаскивали (тянули таском) на катках на берег. В связи с переходом на оседлость потребность в *илимках* исчезла, и «ими в 1948–1949 гг. уже не пользовались» [6, 55]. Следует отметить, что у подкаменнотунгусских и елогуйских кетов именно крытая лодка-*илимка* служила в качестве летнего жилища для всей семьи во время промысла.

Н. А. Тасманов уточнил, что «старики привезли игру «Большой дом» от восточных хантов» [Устное сообщение Н. А. Тасманова. Казым. 2018]. К этому замечанию информанта следует сделать пояснение. Ещё в период тюркской экспансии (IX–XIII века) отдельные группы кетов продвинулись из Саяно-Алтая по Иртышу через Обь в Васюганье, на Тым, Сым, в верховья Елогуя. По территории их расселения (Обь-Енисейское междуречье) проходил водный маршрут из речной системы Восточной Сибири в реки Западной Сибири.

Крытые лодки для жилья использовали летом в период рыбалки также тазовские и туханские селькупы [29, 17–38]. Северные селькупы имели многовековые тесные связи (брачные, культурные) с ваховскими хантами, енисейскими кетами и эвенками. Верхнетазовские селькупы поддерживали отношения в основном с хантами бассейна р. Вах. «Очевидно, – указывает В. Н. Адаев, – что данное направление связей для селькупского населения Верхнего Таза имело самую давнюю историю, начавшуюся с этапа миграции селькупов на север» [1, 130]. Среди селькупов выделялась даже особая группа – «товарные люди» (*таксыбылькуп*), занимавшаяся посреднической торговлей.

Обращает на себя внимание важная конструктивная особенность *илимки* – на её бортах крепили толстые жерди (до 10 шт.), соединённые перилами. На них просушивали сети,

хранили рыболовные принадлежности (рис. 4). Они хорошо соотносятся с десятью палочка-

ми, вставленными в корпус ладьевидного основания игры «Большой дом».

Рис. 4. Лодка-илимка кетов. Художник Д. И. Каратанов. 1907 г. [13]

Ещё один вариант игры, записанный В. И. Прокопенко у сургутских хантов, вместо круглых углублений по корпусу ладьевидной дощечки, имеет «10 зарубок-расщепов..., расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга по всей длине дощечки» [21, 116]. В расщепы водящий горизонтально укладывал тонкие палочки. Данная конструктивная особенность позволяет связать их с распорками, которые делали обские угры не только в долблёнках, но и в составных лодках. «Прямые распорки, – отмечает Н. В. Лукина, – известны также в кетских долблёнках, и их название *тат* совпадает с угорским, поэтому можно предположить, что у кетов это угорская черта» [17, 89]. На прямые распорки устанавливалась палуба.

Следует отметить ещё одну деталь, которая связывает хантыйскую игру «Большой дом» с лодкой-илимкой – своеобразную форму коллективного производства (чтобы её построить объединялась группа мужчин из разных семей), а также использования (для одной или нескольких семей). Заметим, что количество участников игры не ограничивалось: от двух человек и более.

Обсуждение и заключение

Исследование всего лишь одной традиционной хантыйской игры позволяет прийти к выводу о сложном и длительном процессе её генезиса. На формирование и структуру игр оказывают влияние этнические и культурные связи обских угров с сопредельными народами. Имеющийся в нашем распоряжении материал показал, что в играх отражаются занятия и образ жизни коренных народов Севера. Так, в детской игре с палочками «Большой дом» сохранилась память о типе больших грузовых лодок, существовавших в XIX–XX вв. у всех групп хантов.

Название игры в её локальном (сургутском) варианте (*Алли*) позволило привлечь материал по енисейским кетам и селькупам, в арсенале транспортных средств которых широко бытовала лодка-илимка, используемая в качестве временного жилища в период промысла либо грузоперевозок. Это дало основание объяснить происхождение названия хантыйской игры с палочками *Вон хот* «Большой дом».

С лодкой-илимкой северных селькупов и кетов связывают и конструктивные особенности

игрового инвентаря: сильно выступающий заострённый нос ладьевидного основания, плоская корма, плоское днище, вертикально установленные жерди для крепления перил, горизонтальные распорки (расщепы, в которые кладутся игральные палочки), неограниченное количество участников как отражение коллективной формы участия в постройке лодки.

Вероятно, игра вошла в среду казымских хантов посредством восточных (васюганско-ваховских), которые через кетов и селькупов познакомились с большими составными лодками с каютами. Местное русское население, занимавшееся грузопассажирскими перевозками, дало им название *илимка*, которое закрепилось за данным типом лодок. Существует точка зрения, что крытая лодка (*илимка*) заимствована коренными народами Сибири у русских [3, 115; 2, 89, 95 и др.]. Мы склонны вслед за Е. А. Алексеенко и Н. В. Лукиной придерживаться точки зрения о конструктивном сходстве берестяного покрытия хантской лодки с временным полусферическим каркасным жилищем из гнутых прутьев с берестяным покрытием у восточных хантов и кетов. «Возможно, – замечает Н. В. Лукина, – что его сооружали вначале не на большой дощатой лодке, а на долблёнке. Основание для такого

предположения даёт... употребление термина *коран рыт* ‘крытый облас’ по отношению к дощатой лодке с покрытием» [17, 94].

Приведённые материалы показывают возможности использования игр как историко-этнографического источника. Вместе с тем, необходимо признать, что наша статья не решает вопроса об этнической принадлежности игры *Вён хот* «Большой дом».

В настоящее время народная игра практически полностью вытеснена из жизни взрослого населения спортом и драматическим искусством. Возможности сбора полевых этнографических материалов по традиционным играм обских угров весьма ограничены, так как многое уже забыто, претерпевает изменения, трансформируется в новые формы. Тем не менее, дальнейшее продолжение этой работы мы видим в тщательном сборе и описании фактического материала (полевого, архивного, литературных источников) и его теоретическом осмыслении. Возвращение традиционных игр в культурный обиход возможно, с нашей точки зрения, посредством реконструкции общих форм и локальных вариантов игр, создания энциклопедии по играм, использования игровых сюжетов в образовательной практике.

Список источников и литературы

1. Адаев В. Н. Селькупы Верхнего Таза. Межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 124–132.
2. Алексеенко Е. А. Средства передвижения кетов // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л.: АН СССР, 1961. Т. 64. С. 64–97.
3. Антропова В. В. Лодки // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–130.
4. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск: Репоцентр А 1, 2017. Т. 11. 480 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческой судьбы. М.: Эксмо, 2008. 352 с.
6. Вайнштейн С. И. Кеты Подкаменной Тунгуски (историко-этнографическое исследование по материалам экспедиций в 1948 и 1949 гг.). Красноярск: Сибирские промыслы, 2015. 176 с.
7. Василевич Г. М. Игры тунгусов // Этнографический исследователь. 1927. № 1. С. 30.
8. Виноградов Г. С. Детский народный календарь. (Из очерков детской этнографии) // Сибирская живая старина. Иркутск: Первая Гостипография, 1924. Вып. 2. С. 55–86.
9. Выготский Л. С. «Игра и ее роль в психическом развитии ребенка» // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 56–67.
10. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996. Т. II. 784 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996. Т. III. 560 с.
13. Деятели культуры. Каратанов Дмитрий Иннокентьевич. URL: <https://krsk.mid.ru/karatanov-d.i>. (дата обращения: 26.12.2018).

14. Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 498 с.
15. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
16. Кулемзин В. М., Нёмысова Е. А. Игра как феномен культуры // Игры детей обско-угорских народов. СПб.: Алфавит, 1999. С. 3–9.
17. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 364 с.
18. Лукина Н. В. Культурное наследие хантов в коллекциях Кунсткамеры: компоненты традиционной культуры // Вестник ТГУ. 2015. № 396. С. 91–95.
19. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб.: Государственная типография, 1913. 292 с.
20. Напольные игры обских угров с камешками и палочками. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. 56 с.
21. Прокопенко В. И. Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 296 с.
22. Северная энциклопедия. М.: Европейские издания, 2004. 1200 с.
23. Смирнова Е. О., Рябкова И. А. Психологические особенности игровой деятельности современных дошкольников // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 15–24.
24. Смирнова Е. О., Соколова М. В., Котляр И. А. Отчёт о XIX всемирной конференции Международной ассоциации игры (International Play Association (IPA)) // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2. С. 105–109.
25. Спенсер Г. Основания психологии. СПб.: Издание И. И. Билибина, 1876. 671 с.
26. Соколова З. П. Лодки традиционные // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. Т. 2. С. 147.
27. Фрейд З. Я и Оно. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. 400 с.
28. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс–академия, 1992. 464 с.
29. Хомич Л. В. О формировании селькупов и их культуры // Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Просвещение, 2002. С. 17–38.
30. Шиллер И. Письма об эстетическом воспитании. М.: Директ-Медиа, 2007. 200 с.
31. Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.
32. Ahlquist A. Unter Wogulen und Ostjaken. Reisebriefe und ethnographische Mitteilungen // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingfors, 1885. Vol. 14. 307 s.
33. Groos K. Die Spiele der Menschen. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1899. 560 p.
34. Hughes B. Evolutionary Playwork and Reflective Analytic Practice. L.: Routledge, 2001. 320 p.
35. Hughes B. Play Types: Speculations and Possibilities. Ed. by Gordon Sturrock. London: Routledge, 2006. 160 p.
36. Hall G. Stanley. Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion, and Education. New York: Appleton, 1904. 796 p.

References

1. Adaev V. N. *Sel'kupy Verhnego Taza. Mezkhul'turnye svyazi i puti soobshcheniya s naseleniem sosednih rechnyh bassejnov v XVIII–XX vv.* [The Selkups of the Upper Taz. Intercultural relations and ways of communication with population of neighboring river basins in XVIII–XX centuries]. *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 1 (24), pp. 124–132. (In Russian)
2. Alekseenko E. A. *Sredstva peredvizheniya ketov* [Transport vehicles of the Kets]. *Trudy Instituta ehtnografii AN SSSR* [Writings of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1961. Vol. 64. pp. 64–97. (In Russian)
3. Antropova V. V. *Lodki* [Boats]. *Istoriko-ehtnograficheskij atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1961. pp. 107–130. (In Russian)
4. Afanasyeva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Bajkal'skoj Sibiri* [Dictionary of the dialects of the Russian old-timers of Baikal Siberia]. Irkutsk: Reprocentr A1 Publ., 2017. Vol. 11. 480 p. (In Russian)
5. Bern E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Psihologiya chelovecheskoj sud'by* [Games that people play. Psychology of human destiny]. Moscow: Ehksmo Publ., 2008. 352 p. (In Russian)
6. Weinstein S. I. *Kety Podkamennoj Tunguski (istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie po materialam ehkspedicij v 1948 i 1949 gg.)* [The Kets of Podkamennaya Tunguska (historical and ethnographic research based

on materials from expeditions in 1948 and 1949 years)]. Krasnoyarsk: Sibirskie promysly Publ., 2015. 176 p. (In Russian)

7. Vasilevich G. M. *Igry tungusov* [Games of the Tungus]. *Ehtnograficheskij issledovatel'* [Ethnographic researcher], 1927, no. 1, pp. 30. (In Russian)

8. Vinogradov G. S. *Detskij narodnyj kalendar'*. (*Iz ocherkov detskoj ehtnografii*) [Children's folk calendar. (From the essays of children's ethnography)]. *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian living antiquity]. Irkutsk: Pervaya Gostipografiya Publ., 1924. Vol. 2. pp. 55–86. (In Russian)

9. Vygotskiy L. S. *Igra i eyo rol' v psicheskoy razvitiy rebenka* [A game and its role in mental development of a child]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology], 1966, no. 6, pp. 56–67. (In Russian)

10. Gadamer G.-G. *Istina i metod* [Truth and a method]. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian)

11. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Saint-Petersburg: Diamant Publ., 1996. Vol. II. 784 p. (In Russian)

12. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Saint-Petersburg: Diamant Publ., 1996. Vol. III. 560 p. (In Russian)

13. *Deyateli kul'tury. Karatanov Dmitriy Innokent'evich* [Cultural figures. Karatanov Dmitriy Innokentyevich]. Available at: <https://krsk.mid.ru/karatanov-d.i>. (accessed December 26, 2018). (In Russian)

14. *Istoriko-ehnograficheskij atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1961. 498 p. (In Russian)

15. Kayua R. *Igry i lyudi. Stat'i i ehsse po sociologii kul'tury* [Games and people. Articles and an essay on the sociology of culture]. Moscow: OGI Publ., 2007. 304 p. (In Russian)

16. Kulemzin V. M., Nyomysova E. A. *Igra kak fenomen kul'tury* [A game as a cultural phenomenon]. *Igry detej obsko-ugorskih narodov* [Games of children of Ob-Ugric peoples]. Saint-Petersburg: Alfavit Publ., 1999. pp. 3–9. (In Russian)

17. Lukina N. V. *Formirovanie material'noj kul'tury hantov (vostochnaya grupa)* [Forming of the material culture of the Khanty (Eastern group)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1985. 364 p. (In Russian)

18. Lukina N. V. *Kul'turnoe nasledie hantov v kollekciih Kunstkamery: komponenty tradicionnoj kul'tury* [Cultural heritage of the Khanty in collections of the Kunstkamera: components of traditional culture]. *Vestnik TGU* [Bulletin of the Tomsk State University], 2015, no. 39b, pp. 91–95. (In Russian)

19. Makarenko A. A. *Sibirskij narodnyj kalendar' v ehtnograficheskom otnoshenii. Vostochnaya Sibir'. Enisejskaya guberniya* [Siberian folk calendar in ethnographic aspect. Eastern Siberia. Yenisei province]. Saint-Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1913. 292 p. (In Russian)

20. *Napol'nye igry obskih ugrov s kameshkami i palochkami* [Outdoor games of the Ob Ugrians with stones and sticks]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2018. 56 p. (In Russian)

21. Prokopenko V. I. *Ehtnopedagogika naroda hanty: fizicheskoe vospitanie i igry* [Ethno-pedagogy of the Khanty: physical education and games]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2005. 296 p. (In Russian)

22. *Severnaya enciklopediya* [The Northern encyclopedia]. Moscow: Evropejskie izdaniya Publ., 2004. 1200 p. (In Russian)

23. Smirnova E. O., Ryabkova I. A. *Psichologicheskie osobennosti igrovoj deyatel'nosti sovremennyh doshkol'nikov* [Psychological features of the play activity among modern preschoolers]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology], 2013, no. 2, pp. 15–24. (In Russian)

24. Smirnova E. O., Sokolova M. V., Kotlyar I. A. *Otchet o XIX vseмирной konferencii Mezhdunarodnoj associacii igry (International Play Association (IPA))* [Report about the XIX world conference of the International Play Association (IPA)]. *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya* [Cultural-historical psychology], 2014, no. 10 (2), pp. 105–109. (In Russian)

25. Spenser G. *Osnovaniya psichologii* [Foundations of psychology]. Saint-Petersburg: Izdanie I. I. Bilibina Publ., 1876. 671 p. (In Russian)

26. Sokolova Z. P. *Lodki tradicionnye* [Traditional boats]. *Yugoriya. Ehnciklopediya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga* [Yugoria. Encyclopedia of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Khanty-Mansiysk: Sokrat Publ., 2000. Vol. 2. pp. 147. (In Russian)

27. Freud Z. *Ya i Ono* [The Ego and the Id]. Tbilisi: Merani Publ., 1991. Vol. 1. 400 p. (In Russian)

28. Huizinga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: Progress-akademiya Publ., 1992. 464 p. (In Russian)

29. Homich L. V. *O formirovanii sel'kupov i ih kul'tury* [About the formation of the Selkups and their cultures]. *Tazovskie sel'kupy: Ocherki tradicionnoj kul'tury* [The Taz Selkups: Essays of traditional culture]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 2002. pp. 17–38. (In Russian)

30. Shiller I. *Pis'ma ob ehsteticheskom vospitanii* [Letters about aesthetic education]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2007. 200 p. (In Russian)
31. Ehlkonin D. B. *Psihologiya igry* [Psychology of the game]. Moscow: Pedagogika Publ., 1978. 304 p. (In Russian)
32. Ahlqvist A. Unter Wogulen und Ostjaken. Reisebriefe und ethnographische Mitteilungen. *Acta Societatis Scientiarum Fennicae*. Helsingfors, 1885. Vol. 14. 307 p. (In German)
33. Groos K. *Die Spiele der Menschen*. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1899. 560 p. (In German)
34. Hughes B. *Evolutionary Playwork and Reflective Analytic Practice*. London: Routledge, 2001. 320 p. (In English)
35. Hughes B. *Play Types: Speculations and Possibilities*. Ed. by Gordon Sturrock. London: Routledge, 2006. 160 p. (In English)
36. Hall G. Stanley. *Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion, and Education*. New York: Appleton, 1904. 796 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сподина Виктория Ивановна, ведущий научный сотрудник, директор БУ ХМАО – Югры «Обско-угорского института прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 306), кандидат исторических наук.

ORCID ID: 0000-0-7831002-6252,
vspodina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Spodina Victoriya Ivanovna, Leading Researcher, Director of the Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences.

ORCID ID: 0000-0-7831002-6252
vspodina@mail.ru